

Живет в Харькове (Украина).

НЕ ГРУСТИ, ЗЛАТОУСТ

Молния в стакане

Хочу тебя бросить,
как камень в озеро,
но не могу. К утру я сам - выжатый камень,
завернутый в мокрую простыню;
ты на кухне мурлычешь, готовишь еду.
Я проделал в тебе огромную дыру. И попался.
Женщина-капкан с промасленными волосами-зубцами.
Твои соски оставляют вмятины на моей щеке,
как шипы от футбольных бутс.
Я - изумрудный жук
внутри большого пустого шприца,
и кто-то медленно вдавливают поршень -
бежать некуда, а впереди твой пупок,
через который сочится любовный сок,

как сквозь иглу.

Когда я остаюсь один -

бутафория одиночества из желтого картона -

я пишу о тебе, надеясь,

что ты растворишься в словах, как в кислоте;

стрекозой перепрыгнешь из реальности на монитор

(переливаю впечатления, точно донорскую кровь

невидимому раненному божеству).

В минуты страсти

мы вдвоем внутри одной горячей кожи:

ворочаемся, обвиваемся,

пытаемся растечься друг по другу.

Так близнецы бы в утробе нежно стучались лбами;

когда тебе хорошо, ты разжимаешь когти,

будто перстень - тонкие зажимы,

и роняешь хриплый бриллиант выдоха мне на шею

с благодарностью и остервенением,

с легчайшим отчуждением.

Копируешь маленькую девочку: "Всё, я поела".

Редкостны часы, когда мы вместе. Ты знаешь, что сейчас ходишь

полуголая в моих стихах, ищешь затерявшуюся серёжку или трусики,

снимаешь цепочку, чтобы не путалась в волосах.

Женщина должна чувствовать себя внутри чего-то -

флакона или внимания,

молния в стакане,

цветок, сосущий свет,

яд внутри жала или медуза времени.

Так ребёнок тягает за усы послушного гепарда,

и я ничего не могу сделать,

просто - не хочу ничего менять.

Когда ты голая - эта естественная обнажённость,

точно сабля без рукояти - сплошное лезвие:

за что ни возьмись - за бедра или за волосы.

Ты - Ева, и это ты была змеей-соблазнительницей,

меня одурачили, и теперь мы вместе

терпим сей немыслимый бред смертей и скитаний,

песочные часы инкарнаций из пустого в порожнее.

Ты хищно ешь жареные крылышки - самка богомола,

и абрис груди притягивает меня сквозь футболку.

Женщина - это сплошное вооружение:

так хочется погладить ежа,

осторожно взять его на руки.

Глядишь — а это граната.

Бах!

И мы, обнявшись на кухне, исчезаем в солнечном свете,

текущем сквозь французское окно,
исчезаем как символ,
как картина, которую медленно протирают ваткой,
смоченной спиртом времени.
Идешь к женщине - не забудь
отдать ей половину королевства.

Антимотылек

Тьма сгущалась наискосок,
будто кто-то играл каприччио Паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка - на одном вибрирующем сгустке теней.
И хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок синего неба,
ослепительного, остывающего.
Антивечер.
Антимотылёк летит на свет антисвечи,
в комнатах все вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала - внутренности зеркального карпа.
Шторы, будто кони, пьют светящуюся пыль у сонного водопоя,
и так тихо, что скулящий звук телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину - звуковой кровью
сквозь бетонные распаренные бинты.

Не грусти, златоуст

Сельская тишина - толстый бутерброд с маслом,
щедро присыпанный сахаром луговых стрекоз.
В ближайшие сто лет здесь ничего не произойдет,
в future simple тебя никто не ждет.
Только внезапно нахлынет красноватая синева вечеров
с повышенным гемоглобином,
и зашевелиятся хищные звезды, задвигают клешнями -
настоящие, страшные звезды,
а не мелкое городское зверье в намордниках смога.
И луна привинчена ржавыми болтами к небесам на века,
как баскетбольное кольцо,
и филин летит слишком низко - не достать трёхточковым броском.
Парочка поедает друг дружку под темным окном;
кожа плотной девицы с толстой косой
покрыта лунной пылью - со вкусом плохо смытого мыла;
поцелуи грубы и жадны, сладки и приторны, как рахат-лукум.
Вокруг разлито такое опьяняющее постоянство,
что ты не отличаешь дня от ночи.
И днем весь ландшафт, куда ни глянь,

голубой газовый шарф с запутавшимся воробьем;
коза улеглась на старой будке,
петух важно бродит по двору с хлястиком мозга наружу.
А по ночам упрямый мотылек
бьется головой об освещенное стекло,
как буйнопомешанный ангел в мотоциклетном шлеме
о стену.

Здесь революционеры впадают в спячку, как лягушки.
Здесь не имеет смысла откладывать с полочки
на путевку в Египет.
Здесь все живет согласно теореме Еремы,
здесь все подпернуто дремой.
И пьянят по вечерам крепкие, как спирт, рулады сверчков;
хочешь - грильяж созвездий погрызи,
а на рассвете грубые домики примеряют дожди,
как самки гоблинов - ожерелья...
Мечты не сбылись? Ну и что?!
Ангелы на мотоциклах умчались без вас,
бросили с рюкзаками на проселочной дороге?
Жар-птицы разменялись на зажигалки?

Так не грусти, златоуст.
Ты - нарисованный человечек на школьной доске,
и тебя медленно стирают снизу вверх,
сейчас виден один бюст,
и уже растворяется локоть под губкой во влаге.
Жизнь не идет, а прыгает, как Царевна-лягушка,
со стрелой в толстых губах,
по-песьи тащит апорт, и вершины не взяты.
И тишина все так же неприступна, и приступ взросления длится,
спущенные колеса велосипеда шамкают
по теплой пыли, и звезда со звездой все больше молчит.
Жизнь проходит, оттесняя тебя к шумящему краю.
Господь давал помечтать,
посидеть за рулем лимузина-мира,
а затем, как щенка, бросал назад
и вставлял ключ-рассвет в зажигание...

2015

[Страница автора в Сети](#)

